УДК 811.161.1:82-3:27

**М.С.ШИШКОВ,** *канд. филол. наук, доцент, maxim20@list.ru*
*Санкт-Петербургский государственный университет*

**M.S.SHISHKOV,** *PhD in philol., associate professor, maxim20@list.ru*
*Saint Petersburg State University*

# ДУХОВНЫЙ КОНЦЕПТ В АРЕЛИГИОЗНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОВЕСТИ И.АДАМАЦКОГО «УТЕШИТЕЛЬ»

Статья посвящена анализу особенностей концептуальной структуры антиутопической повести И. Адамацкого «Утешитель». Проводится анализ художественного концепта «утешение», помещенного в несвойственное ему арелигиозное пространство, в сопоставлении с общеязыковым духовным концептом.

***Ключевые слова***: духовный концепт, художественный концепт, антиутопия, И.Адамацкий.

# SPIRITUAL CONCEPT IN THE ARELIGIOUS SPACE: ABOUT SOME PECULIARITIES OF THE CONCEPTUAL STRUCTURE OF THE I.ADAMATSKY NARRATIVE «THE COMFORTER»

The article is devoted to the analysis of the conceptual structure of the I.Adamatsky anti-utopian narrative «The Comforter». The author analyses the fiction concept «consolation», that was placed to the unusual for it areligious space, in comparison with the common spiritual language concept.

***Key words***: spiritual concept, fiction concept, anti-utopia, I.Adamatsky.

Проблема духовного, актуальная сегодня, неразрывно связана и с осмыслением религии. По мнению Т.Легере, «духовность имеет дело с опытом, в то время как религия концептуализирует этот опыт», т.е. ученый, с одной стороны, разграничивает эти два понятия, но, с другой стороны, задает условие концептуализации опыта [3]. Интересным в этой связи оказывается случай функционирования духовного концепта в художественном тексте, в котором задано арелигиозное пространство. Каким образом этот концепт проявит себя?

Обратимся к достаточно яркому примеру – к повести Игоря Адамацкого «Утешитель», опубликованной в 2001 году в журнале «Звезда» в № 11.

Как видно уже из заглавия повести, центральным концептом станет концепт «утешение» – духовный концепт русской языковой картины мира. Со сферой духовного прежде всего его соотносит ассоциация со славянским наименованием третьей Ипостаси Бога: Утéшитель – Святой Дух. Таким образом, заглавие текста может ориентировать читателя на восприятие этого текста как религиозного.

Эта же ассоциация окажется также очень важной при характеристике главного героя повести.

Однако повесть, вопреки ожиданиям, представляет собой антиутопию с не вполне ясным хронотопом. Отдельные отсылки в тексте позволяют предположить, что действие происходит на месте Петербурга (топонимика: Владимирский, Фонтанка) во время, приблизительно соответствующее нашему времени. В то же время ход исто-

рии от периода Временного правительства (упоминаются Февральская революция и керенки) до момента действия не прояснен. Это совершенно иное пространство: как будто параллельное нашему времени, но реализовавшееся в арелигиозном пространстве. Герои, нарисованные в повести, представляют несколько «пород» людей: от людей «старого» типа, живших в «том» мире, видевших настоящие рестораны, которых теперь уж нет, и переживших Февральскую революцию, через промежуточный тип, который оказывается несовершенным с точки зрения идеальной балансировки внутреннего мира, до так называемых идеальных людей, у которых мозговые волны движутся в гармонии с природой. Пространство повести, образы героев и событий фантастичны, что позволяет им быть «катализатором глобальных интертекстуальных процессов, среди которых сопоставление реальности и фантастики, мифологизация текста и другие» [2, с.218].

Главный герой повести – К.М., – принадлежавший к промежуточному типу людей, в один день почувствовал своим призванием работать *утешителем* в конторе, «отпускающей» утешения по телефону. Само представление об утешительстве как работе предстает в повести с отрицательной оценкой с точки зрения человека «старого» типа – П.П.Так, в одном из диалогов К.М. и П.П. находим:

*– Вы угадали, Прасковья Прокофьевна, я нашел работу утешителя.*

*– Я вам не завидую...*

*– Почему? – с пафосом удивился К.М. – Наводить мосты между людьми. Устанавливать контакты между человеком и миром заблудшим...*

*– Ну да! Ну да! – прервала она. –* ***Раньше за утешением шли к священнику, в церковь. Разве существует институт утешительства***? (Здесь и далее выделено нами. *– М.Ш.*) *– П.П. энергично поднялась со стула, достала из буфета варенье, светлое, желтое, как свежий мед ...*

Действительно, что-то глубоко личное и сокровенное становится механистичным. Для человека старой формации утешение представляется сугубо религиозным явлением. Однако с точки зрения формальных критериев описание процесса утешительства в повести демонстрирует весь ход разворачивания фрейма концепта «утешение» (см. подробнее [1]).

Утешитель явно представляет **причины**, по которым кому-либо может потребоваться утешение: (*К.М.*) *Продолжительная жизнь убедила меня:* ***люди страдают****, или им кажется, что они страдают, или страдают оттого, что им кажется, будто они страдают, – чаще всего* ***по причинам внутреннего разлада****... Знаете, когда идеальные мечтания сталкиваются с практическими делами, тогда рождается* ***истерика****. Та* ***трещина мира****, которая, как уверял поэт <...>* ***проходит через сердце*** *поэта, проходит также через сердце всякого человека.* ***А как может звучать сердце с трещиной****?* ***Фальшиво, ненатурально, с дребезгом****...*

Утешитель получает инструкцию о том, какого **результата** и какими **средствами** он должен добиться: (*Начтов*) *... Твоя* ***задача*** *–* ***помочь*** (результат. *– М.Ш.*) *этим людям. Помочь* ***советом****,* ***шуткой****,* ***внутренней своей убежденностью*** (средства. *– М.Ш.*), *что жизнь, несмотря на все ее мерзости, все-таки удивительно прекрасна.*

При этом **процесс** и **средства утешения** предельно формализованы даже в своем наименовании. Так, герой заявляет: «*С* ***технологией утешения*** *я знаком поверхностно*».

Устанавливается четкий перечень правил, которым должен следовать утешитель, чтобы, во-первых, получать высокий заработок, а во-вторых, не впасть в отчаяние самому: «*чем больше опустошаешься сердечностью, тем больше наполняешься*».

Особое внимание уделяется **утешителю** как субъекту, дающему утешение. Это может быть идеализированное представление: (*К.М.*) *... среди страждущих, особенно это необходимо* ***в наш гнусно атеистический век****, среди страждущих должны быть* ***обыкновенные****, призванные судьбой* ***утешители****, люди неизреченной* ***доброты****, неизмеримой сердечной* ***щедрости****, необъятной* ***любви****.* ***И таким человеком являюсь я****. Я кончил. Благодарю за внимание.*

Действительно, герой, решивший стать утешителем, возлагает на себя все свойства в предельном их качестве, что в век неатеистический может быть лишь характеристикой Бога, т.е. герой приписывает себе катафатическое определение Бога. Он не просто становится на место священника, но на место Бога: (*П.П.*) ... *Так и ваше предстоящее утешительство. Раньше посредник-священник отдавал право последнего утешения Богу. Вы считаете, что* ***возможно человеку – утешать***?

В повести представлены разные «типажи» утешителей. Они отнюдь не соответствуют тем высоким требованиям, о которых заявлялось. Сами эти люди оказываются безутешными перед лицом окружающего их мира, и единственным для них утешением оказывается покинуть этот мир, в котором не может быть настоящего утешения. Герои покидают мир не метафизически, а физически – улетая на межпланетном корабле, который выполняет роль религии (*religo* – от лат. связывать). С ожиданием межпланетного корабля, как видим, связано неизбежное появление религии иного рода.

История главного героя завершается в повести «приведением его в норму» аналитиком: ...*когда вас после травмы собрали и кое-как привели в сознание, привели насильно, и когда я узнал – из ваших собственных бредовых разговоров, – что вы были* ***склонны к утешательству****, тогда, признаться, я и обрадовался и засомневался. Вы рисковали утратить личность, я рисковал перейти предел допустимого* <...> *Я таки* ***расщепил*** «***волну сострадания***», *затем* «***сплел***» ***некоторые частоты*** *и* ***в результате повысил в вас коэффициент эгоизма****.* ***Теперь вы едва ли способны играть роль полновесного утешителя****,* ***как вы сами себя называли в бреду. Но зато вы вполне пригодны для практических деяний.***

Человек, считавший себя богом, становится, по сути, машиной «практических деяний». И это его «утешение», утешение со знаком «минус».

Таким образом, в антиутопии И.Адамацкого *утешение* представлено практически своей противоположностью (что объясняется и жанровыми особенностями рассмотренной повести), хотя и разворачивается по той же самой фреймовой динамической модели, что и общеязыковой концепт. Особенно интересным оказывается раскрытие в повести художественными средствами процесса деформации утешения за счет развития его «негативной» зоны (отсутствие результата, обусловленное отрицательными характеристиками посылок), что происходит за счет помещения духовного концепта в несвойственное ему арелигиозное пространство, неизбежно формирующее иную – атеистическую – религиозность.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Шишков М.С.* Концепт «утешение» в русской языковой картине мира: фреймовое представление // XXXV. Международная филологическая конференция. Вып. 18: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 13-18 марта 2006 г., Санкт-Петербург / Отв.ред. Н.А.Любимова. СПб., 2006. С. 152–160.

2. *Щукина Д.А.* Образ мира в мире художественных образов // XXXII Международная филологическая конференция: Сборник. Вып.15: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11-15 марта 2003 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н.А.Любимова. СПб., 2003. С. 217-220.

3. *Legere T.E.* A Spirituality for Today // Studies in Formative Spirituality. Pittgburgh, 1984. P. 375-383.

## REFERENCES

1. *Shishkov M.S.* Concept «consolation» in the Russian language mapping of the world: frame presentation // XXXV International Philological Conference. Vol.18: Russian as a foreign language and methodic of its teaching. March 13-18, 2006, Saint Petersburg / Ed. by N.A.Lyubimova. Saint Petersburg, 2006. P. 152-160.

2. *Shchukina D.A.* The image of the world in the world of the fiction images // XXXII International Philological Conference. Vol.15: Russian as a foreign language and methodic of its teaching. March 11-15, 2003, Saint Petersburg / Ed. by N.A.Lyubimova. Saint Petersburg, 2003. P. 217-220.

3. *Legere T.E.* A Spirituality for Today // Studies in Formative Spirituality. Pittgburgh, 1984. P. 375-383.